

18+

ИГНАТ ОЛОК

ВИРУС

Игнат Олок

Вирус Z

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33169711

ISBN 9785449081711

Аннотация

Последний вирус человечества. Вирус Z. Смерть теперь близко, опасно близко: поездка в метро, случайный секс, приветственное рукопожатие, – любое из этих действий становится точкой отсчета. В борьбе за то, чтобы выжить, мы становимся теми, кто мы есть. Даже он. Первый носитель вируса. Он может воздействовать на разум других людей. Он может останавливать время. И его жизнь вот-вот оборвется в тисках последнего вируса. Вируса Z. Обложка – художник Михаил Смирнов. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Человек без имени	5
Глава 2. Лиза	10
Глава 3. Егор	17
Глава 4. История болезни	22
Глава 5. Жажда	28
Глава 6. Отрицание	34
Глава 7. Маска	40
Глава 8. Сестра	46
Глава 9. Марк	52
Глава 10. Вирус	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Вирус Z

Игнат Олок

© Игнат Олок, 2018

ISBN 978-5-4490-8171-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Человек без имени

– Он героиновый наркоман.

– Он мой сын!

– Он безнадежен, Артур.

– Он пытался... Пытался завязать...

– Лучше бы он этого не делал. Тогда вероятность передозировки была бы меньше.

– Витя, я прошу тебя... Сделай что-нибудь!

– Я ввел ему антидот. Дыхание нормализовалось, давление повысилось. – врач осторожно, едва уловимо дотронулся до его плеча. – Но... необратимые процессы в организме... Отказ внутренних органов... Гипоксия головного мозга... Он почти труп. Остается только ждать. Совсем недолго ждать.

– Витя, пожалуйста... Не говори так... – прохрипел он, шурясь от слез, едким туманом застилающих глаза. Сквозь этот туман он видел прямо перед собой безмятежно спящего маленького мальчика. Хрупкие плечи едва угадывались под тонким больничным одеялом, веки слегка подрагивали, пытаясь угнаться за отголосками ускользающего сна, румянец разлился по щекам нежной пастелью... Этот мир не мог причинить ему зла. Только не ему.

– Он впал в странное оцепенение, тело превратилось в неподвижную окаменевшую глыбу, для надежности при-

хваченную ржавыми обручами. Они сдавливали его со всех сторон, так, что кости ломало неумолимо нарастающей болью, глаза нестерпимо жгло, во рту пересохло.

– Он помнил. Помнил, как бросил его, спящего вот так, двадцать лет назад. Как тихо, на цыпочках, вышел из детской, боясь быть пойманным в ловкий капкан детского непонимающего взгляда. Он ждал, пока сын уснет. Он прочитал ему лживую, лицемерную сказку. Он поцеловал его в теплое ото сна ушко. Не оглянулся на пороге. Не попрощался. Не попытался ничего объяснить. Он просто сбежал. Сбежал, как чумная крыса, дрожа от холодного страха перед доверчивым, незащитным детским «Почему, папа?!»

– На пороге он оттолкнул от себя чужую, теперь одинокую женщину, которая еще вчера была его женой. Он все сказал. Уже давно все сказал. Теперь ему оставалось только тихо прикрыть за собой дверь, чтобы не разбудить того, кто все еще был ему дорог. И уйти, волоча за собой старый потрепанный чемодан и неподъемную тяжесть страшной, всеобъемлющей вины, лениво развалившейся на устало поникших плечах.

– Витя... Помогите мне... Я с ума сойду, Витя. Я потерял его однажды, я не хочу больше. Я не смогу... – слова звучали глухо, барахтаясь в теплой соленой волне подступающих к горлу слез. Он всегда был сильным. Могущественным, безжалостным, всееляющим страх. А теперь страх сковал его самого. Он почти физически ощущал, как внутри него что-

то хрустнуло и надломилось, как сухая ветка. Он закрыл лицо руками и заплакал. Он стоял над постелью своего умирающего сына, шатаясь от нахлынувшей на него слабости, он размазывал по лицу горькие слезы, он ничего не видел вокруг, кроме того, кого стремительно и безвозвратно терял, прямо сейчас, мгновение за мгновением. Он не мог отвести от него взгляд. Страшное, искаженное, изломанное лицо, с наляпанной на него желтой шершавой кожей. Белый налет на губах, опустошенные, словно выпотрошенные, глубоко запавшие глаза в обрамлении иссиня-черных впадин. Острые скулы, словно выступы свисающих с неба скал. Голубая венка на шее, живая, трепещущая, как весенний ручеек, не тронутая, не испоганенная холодным металлом жадной до крови иглы. Ему нестерпимо захотелось поцеловать ее, эту венку. Как единственную сохраненную частицу его настоящего сына. Припасть к ней губами, защитить, наполнить своим теплом. Вырвать ее из этого искореженного полумертвого тела. Вдохнуть в нее жизнь, чистую, настоящую, без боли и фальшивого синтетического кайфа. Как же так получилось, как же...

– Артур...

– Витя, не надо, не говори ничего! – взмолился он, сжимая пальцами уголок одеяла, под которым укрылся его ребенок. – Дай мне с ним попрощаться, прошу тебя, дай мне...

– Артур, я могу ему помочь. Но это очень рискованно. Это не может гарантировать, что он...

– Все что угодно, Витя! – Артур приблизился к нему, навис над ним тяжелым смазанным обелиском, слезы стекали по его лицу, как дождь по мутной глади стекла. Собирались на подбородке и с тяжелым стуком падали вниз, на линялый больничный пол, и без того пропитанный страхом и безнадежностью.

– Постой, – Виктор мягко отстранился от него, устало потер виски, произнес с тщательно отмеренным спокойствием:

– Успокойся, прошу тебя. Я хочу, чтобы ты понял: я не могу ничего обещать. Я не волшебник, Артур.

– Спаси его... – умоляюще произнес сломленный, с ног до головы опутанный скорбью мужчина. Его широкая фигура съежилась перед человеком в белом халате, он стал похож на хрупкую птицу, нелепо вытянувшую свои острые безвольные крылья, преклоняясь перед величием неба.

– Он готов был отдать ему все. Деньги, бизнес, молодую жену, еще боле молодую любовницу – все свои иллюзии счастья, тщательно собранные им, как диковинные раковины со дна враждебного моря. Он готов был упасть перед ним на колени и больше никогда не подниматься. Он готов был жрать землю под его ногами. За возвращение его сына.

– Ты никогда его больше не увидишь, – Виктор с сожалением смотрел на него, в его глазах отражались очертания больничной кровати с неподвижно лежащим на ней телом. Телом его сына, изъеденным изнутри густым обжигающим ядом.

– Я готов... – он опустил голову, словно принимая вынесенный ему приговор. – Я не хочу видеть его... таким, – тихо добавил Артур.

– Хорошо, – Виктор вскинул руку, поднес к глазам циферблат часов. Его грани засверкали в электрическом свете, пронзая яркими бликами застоявшуюся белизну. – Тогда нам нужно спешить. Мы должны успеть, пока он не пришел в себя. Если начнется ломка – она его убьет.

– Спасибо, Витя. Спасибо! – он подошел к нему, опустил тяжелую ладонь на обтянутое белоснежной тканью плечо.

– Все. Иди. Дальше я сам. – Виктор указал взглядом на дверь.

– Он широкими шагами направился к выходу. Слабая улыбка освещала его измученное лицо, как грязный фонарь освещает темную безлюдную улицу. На его щеках еще не остыли слезы, но он продолжал улыбаться, чувствуя мягкое пульсирующее тепло, тающим воском разливающееся внутри, где-то в области сердца. Он помог своему ребенку. На этот раз он не бросил его. Он снова имел право дышать.

Глава 2. Лиза

Она спешила домой, задыхаясь от предвкушения. Усталость слетела с нее, как невесомая шелуха, освобождая нежную мякоть сердца для новых эмоций, ярких, как фантастический фильм. Как космос. Как бездна.

Она улыбалась хмурым усталым людям, которые встречались у нее на пути. Они отворачивались в недоумении, их лица становились еще более унылыми, сморщенными, как мокрые пальцы. Безликими. Чужими. Ей не нужна была их близость, ей просто хотелось поделиться с кем-то своим ароматным апельсиновым счастьем, долька за долькой.

Хотелось петь. Хотелось запрокинуть голову и смеяться звонким заливистым смехом.

Нетерпеливо стуча каблуками по усыпанному мертвой листвой асфальту, она стремительно приближалась к своей цели.

Вот он: ее дом, скрытый в сумеречной дымке уходящего дня. Ее подъезд с покосившейся облезлой лавочкой. Утомленная, она дремала, согнувшись, как больная старуха. Одинокая лампочка, отчаянно подающая сигнал за сигналом, растерянная, нагая, растратившая почти все свои силы на освещение окружающего ее глухонемого пространства. Лестница вверх. Бесконечная, крутая, неприступная, как ледяная глыба. Ее ступени темнели в полумраке подъезда при-

зрачными островами, словно скрытые в темных, странно спокойных водах. Шаг за шагом, рывок за рывком. Поворот ключа, свет в прихожей, брошенное пальто свернулось калачиком у двери, как преданный пес.

Вот он. Генератор эмоций, спасательный круг в океане хаотично разбросанных жизнью, пологий берег счастья, усыпанный мертвыми рыбами. Монитор компьютера, мерцающий, как далекая ледяная звезда. Ничего не обещающий. Нехотя исторгающий из себя целый мир.

На экране расплылось рябое пятно. Оно состояло из сцепленных между собой вопросительных знаков, похожих на маленьких горбатых человечков, балансирующих на одной ноге, хватаящих руками воздух, неуверенных, упрекающих, беспощадных.

«Я здесь», – пальцы дрожали, промахиваясь мимо нужных клавиш, как у хмельного, оторванного от реальности музыканта. Она боялась его. Дрожала от одной мысли от того, что может случиться, если хоть капля гнева просочится в его кровь.

«Ты опоздала.» – холодным оттиском проступил его ответ.

«Прости. Я задержалась на работе», – сердце бешено заколотилось в груди, одновременно рождая где-то внизу нарастающее возбуждение. Соски затвердели, между ног запульсировало мягкое настойчивое тепло.

«Что мне с тобой сделать?» – он никогда не медлил. Его

ответы появлялись мгновенно, за доли секунды. Он ждал ее. Он всегда ее ждал. По ту сторону безликого, равнодушного экрана.

«Все, что захочешь», – выдохнула она, потом, спохватившись, сбивчиво застучала по клавишам. Одной рукой. Второй она поглаживала себя там, где было влажно и горячо.

«Я накажу тебя».

«Накажи».

«Покажись мне. Дрянь».

Внутри все заныло, разлилось, как большое прогретое солнцем озеро.

Она включила камеру, направила ее на себя.

«Разденься», – приказал он.

Она исполнила его желание. Мокрые трусики увенчали бесформенную грудку одежды, она сидела перед ним, раздвинув ноги, в мучительном ожидании.

«Хороша. Сука.»

Она закусил губу, заерзала на стуле, размазывая под собой тягучий прозрачный сок. Предназначенный для него. Только для него.

«Руки»

Она торопливо вытянула руки перед собой. Там сразу стало пусто и холодно, как в гулком заброшенном гроте.

Он затаился. Он часто так делал, продлевая ее страдания. Распаяя ее. Уничтожая и создавая снова.

Она ждала терпеливо, смиренно опустив голову. Огнен-

но-красные соски покачивались перед ее глазами, они стали твердыми, сферически-совершенными, казалось, надкуси их – и брызнет терпкая сладость. Ноги, раздвинутые до предела, уже ничего не скрывали. Ее естество раскинулось, словно яркий причудливый цветок, в томительном ожидании. Забывшись, она потянулась туда, судорожно перебирая пальцами.

«Руки!» – его грозный голос взорвал застывшее вокруг нее пространство. От его голоса она вся завибрировала, задыхалась часто, жадно, хватая ртом воздух. Она закинула руки за голову, раскрываясь перед ним, растекаясь. Она была почти готова. Почти.

«Закрой глаза».

Она послушно зажмурилась, темнота обступила ее, обласкала своей бархатной сутью. Она изнывала от жажды. Она томилась, распаяя себя ожиданием. И он наградил ее.

Кожу обжег хлесткий удар плети. Точно между ее торчком восставших грудей. Она застонала призывно, протяжно; там, внизу забился прерывистыми толчками мощный оглушающий пульс, готовя ее к сокрушительному финалу. Новый удар, смачный, одновременно похожий на решительный поцелуй и отчаянный всхлип. Между ног. Ослепительный взрыв накрыл ее с головой, засыпал острыми искрами. Она повалилась на пол, содрогаясь, крича, изливаясь снова и снова, никого уже не стыдясь.

«Моя девочка».

Его хриплый голос раздался прямо в ее мозгу, оглушенном, растерзанном, сокрушенном его стараниями.

Она благодарно улыбнулась ему, глубоко вдохнула в себя теплый, с кислинкой, воздух, произнесла тихо, с трудом разлепив набухшие губы:

«Я люблю тебя».

«Громче. Я не слышу тебя».

«Я. Люблю...»

«Громче!»

«Я! Люблю! Тебя!» – выкрикнула она и заплакала, бесильно уронив голову на грудь. Словно это признание выпотрошило ее, вывернуло наизнанку. Она вся сжалась внутри, она стала похожа на скомканный, никому теперь ненужный клочок бумаги. Если его развернуть, можно увидеть торопливый, нервный почерк, нанизавший неровный бисер слепо мечущихся слов на грубую суконную нитку. Почерк, навсегда изменивший ее серую, бесформенную жизнь. Его почерк.

«Моя девочка», – невидимые мужские руки рассеянно гладили ее по голове. В них была и сила, и нежность, и... что-то еще, полузабытое, едва уловимое, как далекая мелодия из детства.

«Ты нужна мне».

Она вскинула голову, глаза раскрылись, впуская в себя темноту. Он никогда не говорил этого. Сегодня – впервые. Что это? Порыв, порожденный их липкой скоропалительной

страстью? Обдуманное, выверенное, тщательно взвешенное решение? Что это?

«Ты нужна мне, – настойчиво повторил он, собрав ее волосы, сжав их своими пальцами, как спутанные нити бездушной размалеванной марионетки. И добавил, выделяя черным курсивом каждое слово: «Ты нужна мне ЗДЕСЬ».

Она молчала, стиснув зубы до скрипа, зажмурившись от страха. Страх обхватил ее шею своими ледяными пальцами. Он держал ее крепко, он прорастал сквозь кожу, разрывал ее изнутри колючими ядовитыми стеблями. Она не знала, что ждет ее там, по ту сторону. Она боялась этого. Она не хотела этого. Или... хотела?

«Так ты согласна?»

Он торопил ее. Подталкивал в спину к самому краю. Зачем? Зачем он торопит ее? Зачем он давит?

Кровь застучала в висках, ладони вспотели. Она будто провалилась в глубокую яму, и земля, мягкая, напитанная дождем, обступала ее со всех сторон, теснила вглубь, настойчиво лезла в глаза, плотными комьями забивалась в рот, лишая возможности видеть. Возможности сделать вдох.

«Нет!» – изо всех сил закричала она, отталкивая его от себя, собрав все свои силы в это яростное отторжение. Рывком захлопнула крышку ноутбука. Прижала к себе ворох разбросанной по полу одежды, пытаясь согреться. Пытаясь спастись.

Руки исчезли. Голос растворился в тишине опустевшей

комнаты. Стены медленно плыли вокруг нее, как будто она находилась в центре чужой холодной планеты. Пустой. Неприветливой. Глухой и безжалостной. Безжизненной, как напоенная зноем пустыня. Имя ей – Одиночество.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

Глава 3. Егор

Переговоры похожи на игру в покер. Бесстрастное лицо – твой главный козырь. Акции, скидки, арендные каникулы, презентации в пэдэффе – облей все это бензином и подожги. Не пригодится. Не сработает. Наоборот – будет мешать, как липкая, никому не нужная мишура. Уровень людей, выходящих на сделку, выше твоей головы. Не допрыгнешь, не достанешь, только рассмешишь всех, когда с размаху грохнешься на пол, неловко взмахнув руками. Это не люди. Это аллигаторы. Хищный прищур неподвижных, лишенных эмоций глаз. Ты для них – надоедливое насекомое. Ничтожно перебирающее лапками, безнадежно застрявшее в липком дешевом сиропе. Твои ужимки нелепы. Твои дешевые фокусы никому не нужны. Оставь их. Не раздражай сильных мира сего, цени их время, будь лаконичен и тверд. Поднимись на их уровень. Посмотри им в глаза. Предложи им выгоду. Преумножение капитала. Нули в шестизначной сумме. И они услышат тебя. Снизойдут. Быть может, слегка улыбнутся. Подпишут твои захватанные бумаги. Пожмут твою руку. И забудут о тебе ровно через десять минут.

– Бизнес-центр класса Б-плюс, – уверенно заявил Егор, глядя одновременно в десяток пристальных глаз. – Кабинетная планировка. Парковка на две тысячи мест. Видеонаблюдение. Круглосуточная охрана. Современные инженер-

ные системы. Собственная служба эксплуатации 24/7. Зона отдыха, переговорные, конференц-залы. Все это к Вашим услугам в рамках договора аренды.

– Далековато от центра, – пренебрежительно произнес холерный мужчина с намеренной трехдневной щетиной на внимательном, сосредоточенном лице.

– Три. С половиной. Километра, – отчеканил Егор, пристально глядя ему в глаза. Десятка трэф.

– Там же промзона вроде, – нахмурился второй мужчина, постарше, постукивая пальцами по отполированной до блеска столешнице.

– Многофункциональный деловой квартал, – Егор метнул в него яркий рекламный проспек. Валет трэф.

– Ладно, – широкий, массивный человек, возвышающийся над ними во главе стола, поднялся, ясно давая понять, что переговоры окончены. Протянул ему руку, сдержанно улыбнулся. – Спасибо, Егор. Пока неинтересно. Нас здесь все устраивает. Более чем.

– Ваши конкуренты... – произнес Егор и смолк, устремив взгляд в широкое панорамное окно. Боковым зрением он видел, как аристократические ноздри мужчин негодуяще затрепетали, шеи вытянулись, торсы напряглись. – Ваши конкуренты вчера смотрели это помещение. Им понравилось, – он обвел их взглядом и улыбнулся.

– Подождите, – человек кивнул своим партнерам и все они снова утонули в глубоких кожаных креслах. Тяжело пе-

регнулся через стол, придвинул к себе рекламный проспект, принялся заинтересованно изучать нескладное остроугольное здание, щедро облепленное хромом и стеклом. Егор расслабленно откинулся в кресле. Дама, король, туз.

Сделка состоялась. О деньгах теперь можно было не думать. Сумма его комиссионных стремилась к бесконечности. Он был молод, богат и успешен. Теперь можно и отдохнуть.

Разгоряченные, скользкие от пота тела двигались на танц-поле, окутанные плотным мерцающим дымом. Отрешенные лица, отравленная кровь, руки, протянутые вверх, словно в безмолвной мольбе. Он следил за ними из-под полуопущенных век, медленно потягивая виски. Делал глоток и с легким стуком ставил бокал на стол. В руке едким ручейком дымилась оплавленная сигарета. Между ног лежала тонкая девичья рука. Он лениво следил за своими ощущениями, когда она играла с его уверенно твердеющим естеством, надавливая и сразу же отпуская его. На ее лице блуждала томная улыбка. Она была готова отдаться ему прямо сейчас.

Он был пьян. Его голова покачивалась в унисон со рваным бешеным ритмом, оглушительным, перекрывающим все остальные звуки. Перед глазами плыли яркие пятна, похожие то ли на лица, то ли на облака. Девушка наклонилась к нему и засунула язык ему в ухо. Он поморщился, но не отстранился. Он должен ее трахнуть.

Егор резко поднялся, его повело в сторону, он успел ухва-

титься за разлапистую колонну, зачем-то воткнутую в мраморный пол. Девушка рассмеялась, обнажив молодую, налитую соками, шею, повисла у него на руке, как маленькая игривая обезьянка. Хватаясь друг за друга, то и дело спотыкаясь и с трудом удерживая равновесие, они добрались до двери с надписью «WC». Он зашел внутрь, обессиленно прислонился к стене. Она обхватила губами его губы, облепила его своим влажным настойчивым ртом, потянулась к застёжке ремня. Волны дурноты подкатили к горлу, в ушах загудело, сердце забилось гулкими рваными толчками. Егор отстранил от себя девушку, потряс головой, как большой удивленный пес. Она поняла это по-своему: повернулась к нему спиной, задрала юбку, оперлась руками о выступ раковины. Ее лицо отражалось в большом мутном зеркале, оно было похоже на застывшую маску. Она поймала его взгляд, провела языком по губам. Егор двинулся ей навстречу. Уперся в нее, погладил прохладную бархатную кожу. Отпустило. Пользуясь моментом, он рванул что есть силы молнию брюк и через мгновение оказался в ней. Качнулся, глубже проникая в доступную влажную мякоть, застонал, чувствуя, как она сжимает его изнутри, обволакивает чужой теплотой.

Боль пронзила его внезапно. Как будто кто-то с размаху воткнул в него длинный зазубренный нож. В глазах потемнело, и тут же темнота сменилась яркой стремительной вспышкой. Он заорал, отпрянул от нее, схватился за живот, повалился на пол, прижимая колени к груди. Боль проворачива-

лась внутри него раскаленным штырем, разрывая его на куски. Он кричал, прижавшись лицом к холодному мокрому полу, он беспомощно перебирал ногами, не находя опоры. К боли добавились острые ритмичные спазмы. Безжалостные, они скрутили его в тугий шершавый узел, не позволяя подняться. Он и не смел пытаться. Он так и лежал на полу. Беспомощный, задыхающийся. Жалкий. Он исторгал из себя кислые комья непереваренной пищи, рвота сопровождалась новыми приступами невыносимой боли. Девушка поспешно оправила юбку, перешагнула через него и выбежала из туалета. Это было последнее, что он увидел сегодня.

– У Вас рак, – сочувственно сообщил врач, равнодушно глядя на него выпуклыми провалами глаз. Он явно не был мастером переговоров.

Егор смотрел на него не мигая. Он медленно осознавал это короткое мерзкое слово, пропускал его через мясорубку собственного сознания, тормозил его, как мог, чтобы размыть свою новую реальность, сгладить ее острые края, которые безжалостно впивались в мозг своей непримиримой, разрушительной кривизной. Уничтожая его. Не оставляя ничего, кроме жалкого временного отрезка, отмеренного ему для того, чтобы успеть смириться с мыслью о смерти.

Глава 4. История болезни

– Она истязает себя.

– Что Вы имеете в виду?

– Я видела следы на ее теле. Полосы, как будто от ударов плетью.

– Она это как-то объяснила?

– Нет.

– Как у нее с социальным аспектом? Она общается с кем-то? Ходит на работу?

– У нее нет друзей. Она ни с кем не встречается... из молодых людей, я имею в виду. Она работает бухгалтером. Женский коллектив, в основном люди в возрасте. Но, мне кажется, она общается с кем-то в сети. Я слышала голоса из ее комнаты.

– Голос или голоса? Вы слышали только ее голос? Или чей-то еще?

– Я слышала мужской голос. Но, возможно, мне показалось... Или она смотрела фильм.

– Вы живете вместе?

– Я живу за границей. Приехала сюда по работе. Я навещаю ее, почти каждый день.

– Когда Вы стали замечать все эти странности в ее поведении?

Какое-то время она молчала. Сидела, обхватив себя ру-

ками, словно спасаясь от холода, устремив неподвижный взгляд в аккуратно разлинованный пол. Потом собралась с силами, сделала глубокий вдох, посмотрела на своего собеседника.

– Я приехала неожиданно, неделю назад. У меня были ключи от ее квартиры. Я нашла ее на полу в ванной, она находилась в какой-то прострации. Бормотала что-то, все время смотрела вверх. В потолок. Она была голая. Дома был полный бардак. Это было ужасно. Ужасно...

– Вы сделали что-то, чтобы ей помочь?

– Я одела ее, принесла воды... Хотела вызвать «Скорую», но она быстро пришла в себя. Она обрадовалась моему приезду. Обняла меня... – она судорожно всхлипнула, схватила со стола ручку, стала вертеть ее между пальцев, чтобы отвлечься и не разрыдаться у него на глазах.

– У нее были какие-то стрессы, переживания в последнее время?

– Я не знаю. Мы мало общаемся. Но, думаю, вряд ли.

– А в детстве?

Она вздрогнула, медленно подняла взгляд на человека, сидящего перед ней.

– В детстве... – она повернула лицо к окну. Так ей было легче. Ненамного, но легче. – В детстве ее избивал отчим. Унижал. Оскорблял. Был жесток с ней.

– А Вас?

– Меня?

– Вас он избивал?

– Нет. Он не трогал меня. Он мой родной отец.

– У нее были отношения с кем-то? Длительные отношения?

– Нет, не было. Дело в том, что она... Она очень полная. Мне кажется, она стесняется своего тела. Даже если бы она кому-то понравилась, она не смогла бы пойти на контакт. Она очень застенчивая. Она боится людей.

– Тем не менее, она ходит на работу, общается с людьми.

– Да. Общается. Она привыкла к ним. Наверное. Или заставляет себя это делать. Я не знаю...

– Вы пытались поговорить с ней? Предложить ей помощь?

– Я пыталась. Она отгородилась от меня, закрылась. Со-
всем закрылась. Все время молчит. Если я спрашиваю ее
о чем-то, она мотает головой и все.

– У Вас в роду были случаи психических заболеваний?

– Нет. Не было.

– Она точно... сама наносит себе вред?

– Думаю, да.

– Вы видели, как она причиняет себе боль? Вы видели
у нее плетку, как Вы говорите, ремень или что-то в этом ро-
де?

– Нет. Не видела.

– Вы пытались искать? Смотрели в ее вещах?

– Да, я искала. Я ничего не нашла.

Некоторое время он молчал, постукивая по столу ост-

ро отточенным карандашом. Изучал ее лицо сквозь дымчатые линзы очков. Ей казалось, он осуждает ее. За то, что она не была рядом. Никогда не была по-настоящему рядом со своей сестрой.

Наконец, он откашлялся, глотнул воды из высокого запотевшего стакана. Дрожащие прозрачные капли повисли на его усах, он аккуратно промокнул их салфеткой.

– Похоже на острое психотическое расстройство. Нужно понять его природу, для этого мне нужна очная консультация, компьютерная томография головного мозга. Это как минимум. После этого я смогу дать прогноз заболевания и назначить лечение.

– Она не соглашается. Она говорит, что она здорова. Хочет, чтобы ее оставили в покое.

– Постарайтесь ее убедить. Обычно такого рода расстройства не проходят сами по себе. Более того, они могут перерасти в более серьезные психические заболевания.

– Может быть, есть какие-то таблетки...

– Никаких назначений, пока я не увижу больную.

– Хорошо. Я попробую. Попробую уговорить ее.

Она поднялась с кресла, поправила невидимые складки на блузке.

– Спасибо Вам, доктор.

– Пока не за что.

– Всего доброго.

– До свидания. Я надеюсь.

Она слабо улыбнулась и скрылась за дверью.

Виктор задумчиво смотрел на распластанное перед ним полотно двери. Потом вздрогнул, словно очнувшись от короткого неглубокого сна. Потянулся к телефонной трубке, набрал номер, дождался, пока ему ответят. Произнес, прикрывая ладонью рот:

– Похоже, я нашел его. Он совсем близко. Он снова вышел в сеть.

Через полчаса гулкий больничный коридор наполнился звуком стремительных, уверенных шагов. Мужчина в темном костюме с неприметным лицом потянул на себя белоснежную дверь, украшенную тисненой золотом табличкой с надписью «Главный врач».

Виктор стоял к нему спиной, глядя в окно на больничный двор. Медленно повернулся на звук, протянул гостю широко распахнутую ладонь.

Вместо приветствия мужчина хмуро кивнул и тяжело опустился на стул.

– Где он?

– Вот, – Виктор придвинул к нему медицинскую карту, заполненную угловатым врачебным почерком. – Здесь адрес, девушку зовут Лиза.

Мужчина в темном костюме бросил беглый взгляд на исписанный лист, поднялся, плавно обогнул стол, приблизился к своему собеседнику, словно собираясь ему что-то сказать.

Резко выбросил руку вперед. Казалось, он едва коснулся широкой груди в хрустящем белоснежном халате. Виктор дернулся, словно его ударило электрическим током. Схватился за горло, захрипел, упал на пол, забился в конвульсиях. Очки слетели с его лица, глаза налились кровью, рот открылся в безмолвном отчаянном крике.

Человек в темном костюме дождался, пока тело застынет в неловкой, изломанной позе, наклонился к нему, брезгливо дотронулся до его обмякшей шеи, проверяя пульс. Аккуратно извлек круглый, плоский, похожий на канцелярскую кнопку, предмет из остывающей груди доктора. На халате осталась зиять крохотная дырочка от острой иглы. Он досадливо поморщился, огляделся вокруг. На столе лежал фирменный бейдж погибшего врача. Он смахнул его со стола и прикрепил поверх поврежденной ткани. Полюбовался проделанной работой. Ободряюще похлопал доктора по щеке. Его голова послушно, с тихим шелестом перекатилась влево.

Человек в темном костюме сгреб со стола бумаги и вышел из кабинета, неслышно притворив за собой дверь.

Глава 5. Жажда

Он проснулся от головной боли. Она протянулась от затылка к виску шершавой шерстяной нитью, утомляя, изматывая его до предела. Простыня под ним сбилась, потемнела от пота. Душный, липкий воздух обступил его со всех сторон, приклеился к его коже. Он сел в постели. Огляделся во круг. Незнакомые предметы дразнили его многоликим безвкусным глянцем, в темных углах прятались робкие предрассветные тени. Его неудержимо трясло, он не мог унять противную мелкую дрожь, охватившую его тело, рассыпавшуюся по коже тысячами колких мурашек. Зубы стучали, к горлу подкатила тошнота. Он с трудом поднялся с постели. Схватился за стену. Ее шероховатость, неизбывная твердость немного упокоили, придали сил. Шатаясь, он добрел до двери, ведущей в прихожую. Нажал на ручку, она легко подалась. Он выглянул наружу.

Коридор петлял извилистыми поворотами, все они были незнакомы ему, чужды. Он не знал, куда ему идти. Он снова закрыл дверь и прислонился к ее поверхности пылающим, мокрым от пота лбом. Он напрягся, пытаясь вспомнить, как он здесь оказался, кто он, откуда. Но в его голове клубилась глухая, непроницаемая чернота. Он силился разогнать ее, найти хоть один просвет в ее бесформенном теле, чтобы уцепиться за него, потянуть осторожно и вырвать из нее

обрывок застиранной, заслуженной им правды. Но чернота сгущалась еще больше, становясь похожей на упрямую тучу, молчаливую, напитанную грозowymi спазмами.

Ни одной мысли. Ни одной зацепки. Только болезненное, изнуряющее чувство, похожее на жажду. Губы пересохли, каждая клетка тела ныла мучительно, беспрестанно. Как будто его разобрали на части и забыли собрать. Тело наливалось свинцовой тяжестью, становилось неуклюжим, неповоротливым. Непоправимо чужим. Он закрыл глаза, сжал зубы крепко, до скрипа, и заскулил тихонько, медленно сползая на пол, покрытый белесым налетом застарелой пыли.

Дверь исторгла из себя тихий протяжный скрип и навалилась на него своей тяжестью, ломая сопротивление его закостеневшего, обессиленного тела. Он с трудом поднялся, повернулся лицом к двери. Она плыла прямо перед его глазами, не касаясь земли. Ее очертания колыхались, как тающее желе, ручка ходила ходуном, скрипя и подпрыгивая, в хаотичном, безумном, одной ей известном ритме. Он резко выгнулся, хватаясь руками за окружающую его пустоту. Тело не слушалось его. Больше не слушалось. Он встал на четвереньки, опустил голову вниз, его вырвало желтой прозрачной слизью.

Как во сне, он услышал над собой тонкий женский голос. Он звенел в затхлом, покрытом плесенью воздухе, противно отдаваясь в ушах.

– Тебе плохо? Солнышко мое, ложись скорее в постель! Я

водички принесу...

Голова не поднималась, как будто вместо шеи у него был фитиль старой оплывшей свечи. Бледные руки подхватили его под мышки и попытались поднять. Он оттолкнулся от пола, помогая то ли ей, то ли себе, но тяжесть его непослушного, лишенного опоры тела утянула ее вниз. Она охнула и повалилась на пол. Взмах бледных рук отпечатался в пространстве небрежно размытым мазком.

Теперь он мог разглядеть ее. Выбеленное лицо с острым выступом подбородка, светлая прядь волос, упавшая на лоб. Глаза – бесцветные, близко посаженные, обрамленные светлыми невесомыми ресницами, смотрели на него с нежностью. Легкий халат, усыпанный яркими цветами, небрежно распахнулся, открывая взгляду узкие вытянутые груди. Тонкие губы округлились, готовясь сказать или спросить что-то.

– Тихо, – он приложил палец к губам, не в силах больше слышать ее мерзкий скрипучий голос, проникающий прямо в центр его головы, застревающий там, как пережаренное волокнистое мясо застревает в зубах.

Он не знал ее. Он видел ее первый раз в жизни. Эту женщину, отвратительную в своей серости, изможденности, ненужной ему заботе. Она захлебывалась в своем маленьком мире, ограниченном, тесном для них двоих. Она увязла в своих мелких, никчемных желаниях, как в протухшем болоте. От нее даже пахло тухлятиной. Он отчетливо слышал ее густой многослойный запах. Его снова вырвало. Брызги

попали на ее цветастый халат и она стала еще более грязной. Более отталкивающей. Низкой.

– Бедненький мой! – она наклонилась над ним, положила руку ему на лицо. Рука была прохладной и липкой, он сбросил ее с себя, содрогнувшись от отвращения.

– Ну что же ты... – она заплакала, отвергнутая, сжалась, подобрала полы халата, пряча под ним свое бледное тело.

– Заткнись, – прошипел он, отодвигаясь от нее, чтобы избежать случайного соприкосновения.

– Как ты можешь...

– Я сказал: «Заткнись!» – заорал он. Замахнулся, ударил ее по щеке.

Она взвыла, прижала ладонь к опаленной ударом коже.

Он удивленно прислушался к своим ощущениям. Жажда утихла, тело завибрировало, наливаясь энергией, кровь, разгоняясь, горячими всполохами побежала по венам. Ему стало легче. Сразу – легче. Жажда отступила, он почувствовал прилив сил и нарастающее возбуждение. Как будто кто-то стер с него ластиком мучительную ломоту и снова вдохнул в него жизнь.

– Кто ты? – прокричал он в ее красное, заляпанное слезами лицо.

– Я твоя жена! – в отчаянии воскликнула она, закрываясь от него, прячась, чтобы он не достал ее и не сделал ей больно. Снова.

– Не ври, сука! – он схватил ее за волосы, оттянул голову

назад. Она стала похожа на нелепую, мерзкую ящерицу, вытянувшую дряблую шею в поисках лучей последнего солнца.

Он ударил ее кулаком в лицо. Она вскрикнула, кровь хлынула на пол селевым потоком, смешалась с клочьями пыли.

Как хорошо. Как тепло стало внутри.

Откуда-то он знал, что если изгнать из себя эту мучительную жажду, на ее место придет острое, бесконечное наслаждение; оно распустится по его венам прекрасным белым цветком, окутает его своей бархатной негой, подарит ему всепроникающее, неземное блаженство.

Он возвышался над ней, как скала; она лежала неподвижно, закрыв голову руками, ее плечи вздрагивали, отчего казалось, что лепестки цветов колышатся на ветру. Ромашковое поле, блядь. Он ударил ее ногой в живот. Она захрипела, покатила по полу, халат распахнулся, обнажив гладкие округлые бедра.

Он почувствовал нестерпимое желание. Стремительно овладел ею, грубо ворвавшись внутрь ее разбитого тела. Она замерла под ним, затихла, унимая боль, плотным кольцом свернувшуюся где-то в глубине. Он щедро добавил в нее новой боли. Ее хриплые, отрывистые крики разорвали тишину комнаты, приближая его к тому, к чему он стремился. Кровь вскипела внутри. Тело превратилось в огромное мощное сердце. Оно билось внутри нее в сладкой агонии, выстреливая бешеным пульсом где-то внизу. Наполняя, накрывая его невыносимым, мучительным экстазом.

Он оттолкнул ее от себя и без сил повалился на спину. Закрыв глаза, выравнивая дыхание. Ему казалось, его мозг обмакнули в сладкую тягучую патоку, которая обволокла его со всех сторон, заполнила все его пустоты, расслабила каждую клетку, раскрыла каждую пору.

Это было похоже на то, чего он так ждал, изнемогая от жажды. Почти. Почти.

Глава 6. Отрицание

Этого не может быть. Не может быть. Не. Может. Быть. Не может быть. Не может быть. Не может быть.

Он читал об этом. Отрицание. Так называется эта стадия. Вторая после шока. Шок он уже пережил. Он успел обжечь его вены едкой пузырящейся кислотой. Он растворился в его перенасыщенной лейкоцитами крови за считанные минуты и осел где-то на дне его умирающего тела остывшей золой.

T3N2M1. Он выписал эти символы из своей больничной карты и приклеил к приборной панели автомобиля. Это был его собственный код.

T – Tumor – опухоль. Три опухоли внутри его тела. А как же иначе, ведь это было его счастливое число.

N – Nodus – узел. Поражено два лимфоузла. Как совершенна природа, как она любит симметрию.

M – Metástasis – перемещение. Такое страшное слово и такое привычное, будничное значение. Метастазы в легких. Чтобы однажды он перестал дышать.

Егор закурил, глядя в окно на проезжающие мимо машины, на умиротворенных, неестественно спокойных людей внутри. Их лица словно подернулись белесой дымкой, они были далеко от него. Так далеко... Быть может, кто-то из них стремительно умирал, прямо сейчас, так же, как он. Зная об этом. Или не зная. Само по себе это знание было неваж-

ным: оно не имело абсолютно никакой ценности. От того, знаешь ты или нет, количество минут на табло впаенной в тебя бомбы не увеличивалось и не уменьшалось. Знание не давало тебе права сделать на один глоток воздуха больше, чем было отмерено болезнью.

Шансов не было. Ни одного гребаного шанса. Его не вымолишь никакими молитвами, не купишь ни за какие деньги. Оставалось смириться и ждать, согнувшись в низком поклоне. Чтобы не смотреть в глаза смерти. Пусть она смотрит на него. Но не он.

Боялся ли он боли? Пожалуй, да. С болью невозможно примириться, она не способна на компромиссы. Боль может одним легким движением разрушить человека до основания. Превратить его в камень. Поместить свою жертву в неровный, наспех построенный лабиринт, чтобы она блуждала в нем, слепо натыкаясь на стены, воя от охватившего ее отчаяния. Вслушиваясь в долгие переливы собственного, искаженного болью, эха.

Боялся ли он смерти? Возможно. Этот страх был прозрачным, едва уловимым, он звенел в нем тонкой фальшивой нотой. Потому что он не верил. Не верил, что однажды он просто прекратит быть. И жизнь понесется дальше, как скрипучее колесо, не замечая его отсутствия, не жалея о нем, не скорбя. Не останавливаясь ни на секунду в своем бесконечном движении.

Он никому не сказал о том, что он болен. В этом не было

смысла. Рассчитывать на тщательно выверенную, скоропалительную жалость людей, которые день за днем, час за часом будут проводить по нему острым стержнем, царапающим, сочащемся чернилами, пропитанными скрытой радостью, что это случилось не с ними? Этот стержень будет оставлять на нем четкую линию, сначала тонкую, едва заметную, а потом она превратится в жирную черту. Черную рамку, в которую поместят его не самую удачную фотографию. Поплачут, выпьют острой, дышащей ледяным паром, водки и с облегчением отправятся по своим делам. Забывая его с каждым пройденным шагом. Он не хотел, этого он не хотел.

Егор припарковал машину возле подъезда, посидел в тишине, глядя на оранжевые окна своей квартиры. Выкурил сигарету. Со вздохом покинул свое ненадежное пристанище и скрылся в дрожащем полумраке подъезда.

Она встретила его холодным презрительным взглядом. Они поссорились сегодня утром. Потому что он не пришел домой ночевать – тогда, после удачной сделки. Ему казалось, та ночь была тысячу лет назад. В другой жизни. В другом измерении. Ему казалось, все это случилось с другим человеком. Не с ним. Пожалуйста, только не с ним!

Он бегло посмотрел ей в глаза, неловко согнулся, снимая обувь. Прошел на кухню, поставил чайник, бросил взгляд на плиту: ужин его не ждал. Усмехнулся, повернулся к окну. Во дворе перед домом играли дети. Их радостные звонкие голоса улетали прямо в небо. Горькая улыбка тронула его гу-

бы. А он не успел... Как много он еще не успел? Нужно составить список. Он будет похож на свиток фараона, наверное. Он снова усмехнулся, отвернулся от окна, столкнулся взглядом с ее бесцветными прищуренными глазами. Зачем она щурится? Солнца ведь нет...

– Тебе смешно? – она жаждала ссоры. Она готовилась к ней, она копила слезы и оскорбления. Для него. Она смотрела на него с пьедестала сцены, залитой обманчивым светом софитов. Она выжимала из себя яркие, гротескные эмоции: так делают актеры, чтобы зрителям с последних рядов было видно их механическую игру, их вымученные пластмассовые чувства. Их игрушечную, непережитую боль...

– Может, не сегодня? – с надеждой спросил он. Не глядя на нее, полез за чашкой в кухонный шкаф, задев ее голову локтем.

– Нет! Сейчас! – воскликнула на, поправляя прядь волос, выбившуюся из прически. Из-за него. Опять из-за него.

Он насыпал себе кофе, налил кипяток, сел за стол, обхватив чашку руками. Он смотрел на ее лицо, пылающее от праведного гнева, ее перекошенный рот, увитые браслетами, не по сезону загорелые руки, воздетые куда-то вверх. Он не слышал ее. Она была не важна ему. Сейчас многое было не важным. Болезнь помогла ему сгрести всю шелуху его жизни в одну большую прелую кучу. Которую оставалось поджечь и услышать, как в детстве, пряный аромат тлеющей осенней листвы.

Наконец, она выдохлась и без сил опустилась на стул. Отодвинулась от него как можно дальше, гордая, оскорбленная.

– Давай расстанемся? – просто предложил он.

Расслабленно откинулся на стуле и прикрыл глаза. Его ждал второй акт дешевой, запутанной, никому не нужной пьесы.

Она в слезах убежала в ванную. Заперлась там, с трудом задвинув щеколду дрожащими, мокрыми от слез руками.

Он с трудом поднялся, подошел к запертой двери, разделяющей их глухой непреодолимой преградой. Сел на корточки рядом с дверью, прислонился затылком к прохладной шершавой стене.

– Ты же не любишь меня, – примирительно сказал он. – А я тебя. Зачем нам все это?

Она замерла там, внутри, медленно осмысливая услышанное. Наконец, дверь тихо шелкнула и отворилась. Он не хотел поднимать глаза. Он сидел, глядя на ее тонкие ступни с белыми лепестками ногтей. Второй палец был длиннее большого, говорят, это признак аристократизма. На щиколотке тускло блестел тонкий изящный браслет. Зачем на ноге браслет?

– Ты меня не любишь! – вскричала она, нависая над ним, как лавина.

– Яна, ну зачем это все... – устало выдохнул он.

– Она дернулась, стремительно ринулась прочь, в их светлую спальню, еще вчера усмиряющую их бурную страсть,

а потом бережно охраняющую их переплетенное дыхание. Одно на двоих.

Снова ее ноги, на этот раз обтянутые блестящей кожей. Острый каблук. Такой же острый, как боль, которая ждала его где-то совсем близко, обдавая лицо своим тяжелым застоявшимся дыханием.

– Я ухожу, – решительно сказала она.

Он поднялся на ноги, посмотрел ей в глаза. Она подалась к нему, готовая броситься к нему, готовая простить его. Снова.

– Куда тебя отвезти? – заботливо спросил он.

Глава 7. Маска

Она не вышла в сеть. Она обманула его, жирная сука. Она не нуждается в нем, она боится его теперь. Зря, зря он так поспешил. Он все испортил, и теперь она не придет. Появится ли она снова? Он не знал. И это незнание глодало его изнутри, распаяло, снова пробуждая в нем жажду. Она несмело поднимала свою оглушенную голову, вращала глазами, жадно оглядываясь, шаря вокруг слепыми руками. Она была еще слаба, но набиралась сил с каждым мгновением. Мгновением, прожитым без нее.

Только ее боль могла усмирить его жажду. Страх, который плескался в ее узких, заплывших жиром, глазах. Ее колышущееся тело, огромное, белое, покрытое липким потом. Красные следы от его плети между тугих, наспех слеplенных ляжек.

Он вспомнил ее. Тогда, в пустой сонной комнате, лежа рядом с истерзанной им женщиной в цветастом халате, он вспомнил. Вспомнил, как она кричала ему, что любит. Как оттолкнула его, дрожа от страха и холода. Как погрузила его во тьму, захлопнув крышку ноутбука, словно крышку гроба. Яростно. Бесповоротно. Навсегда.

Он погладил себя, вспоминая, как она растекалась от голоса, звенящего в ее голове. Его голоса. Обращенного к ней. Как она дышала, часто, глубоко, приближаясь к финалу. Как

раскрывалась перед ним, впуская в себя его, виртуального, невидимого, но осязаемого. Как воздух. Воздух, от которого она отказалась теперь.

Ее отчаянное «Нет!» звенело в его голове, вспарывало мозг острыми лезвиями, как мягкую игрушку, набитую гниющими опилками. Ему было больно. Эту боль причинила она. Она за это заплатит.

Он вышел из своего укрытия, завозился с ключами у входной двери. В соседней комнате мгновенно стихли все звуки. Он по-прежнему вселял ужас в ту, которая была рядом.

Ему было все равно. Он захлопнул дверь и вышел на улицу, в сырую неприветливую морось.

Он не помнил этот дом. Не помнил фонарь, почтительно склонивший перед ним свою рыжую голову. Не помнил окон, изливающихся в плотные сумерки скупым ненадежным светом. Не помнил кривых параллелей улиц, теряющихся вдали. Ему было достаточно памяти о ней. Она заполняла собой все пространство внутри него, ее лицо отражалось в мутных осенних лужах вместо луны. Ее имя навязло на языке кислым соком, заставляя его давиться вязкой голодной слюной. Он почти любил ее. Он хотел лишить ее воли. Лишить ее жизни.

Угловатая тень бросилась ему под ноги. Он отпрянул, вглядываясь в затертое, словно затянутое рябью, лицо.

Расслабиться не хотите? – тень протянула ему яркий лоскут бумаги.

Листовка. Разнокалиберные пестрые буквы заплясали, за-
двигались между пальцами, сливаясь друг с другом в при-
чудливом танце. Приглашение в рай. Он усмехнулся, оттолк-
нул от себя ставшую ненужной бесцветную тень и раство-
рился в темном проеме арки, бесстыдно раскинувшейся пе-
ред ним.

В темном подъезде его встретила женщина. Ее лицо за-
крывала черная бархатная маска. Он видел только ее гу-
бы: алые, словно обмазанные кровью. Длинное красное пла-
тье окутало ее прозрачной закатной дымкой. Он угадывал
ее соски под тонкой тканью. Они были похожи на острые
льдинки. Она поманила его пальцем и стала подниматься на-
верх.

Ему казалось, эта лестница бесконечна. Он поднимал но-
гу, ставил ее на ступень, отталкивался другой ногой, и так
тысячи, миллионы раз. Он видел перед своим лицом ее упру-
гие ягодицы: они напрягались с каждым ее шагом, они рва-
лись наружу, плененные прохладным струящимся шелком.
Между ног разлилась теплая свинцовая тяжесть. Идти ста-
новилось все труднее, он умирал от желания наброситься
на нее, не дойдя до верха, но ему нравилась эта игра. Эта
придуманная ею мука. Тем слаще будет там, наверху.

Неровный прямоугольник чердачного окна показался как
откровение. Он задохнулся от предвкушения, осознавая, что
выше им не подняться. Она повернулась к нему и накрыла
его своим жаром. Его руки исступленно скользили по ее те-

лу, настойчиво пробираясь туда, где она источала терпкую влагу.

Он оказался в ней и застонал от тягучего удовольствия, разлившегося по телу. Он блуждал внутри нее, он впитывал в себя ее сок, он сходил с ума от долгожданного наслаждения, которое заполняло его теплым тающим воском. Он упивался ею. Он держал ее крепко; ее стойкое тело отражало удар за ударом, бросалось ему навстречу, сжимало его плотным кольцом.

Когда все кончилось, он поцеловал ее долгим, благодарным поцелуем. Он никогда никого не целовал, а ее – захотел. Ее губы отвечали ему нарочито нежно, она обхватила его руками за шею, прижалась к нему пылающим телом, не оставляя ни малейшего просвета между ними. Он почувствовал тонкий, едва уловимый запах, который исходил от нее, окутывал его несмелым дрожащим облаком. Запах больничных простыней, запах мокрой земли, запах застарелой пыли, запах нехорошего, больного пота. Он оттолкнул ее от себя, прижался спиной к горбатым перилам, ставшим свидетелями их острой, сокрушительной страсти.

Где-то далеко внизу слышались шаркающие шаги. Легкий щелчок разорвал трескучее полотно обступившей их темноты: кто-то там, внизу, включил свет; его неровные штрихи прорезались в окружающее пространство, открывая взору обшарпанные грязные стены, заплыванный пол, разбитые окна, заляпанные перила, в которые он судорожно вце-

пился, боясь споткнуться, боясь упасть.

Она засмеялась, сорвала с себя маску. Бесформенные, сливающиеся друг с другом язвы, похожие на черные кратеры, тянулись вдоль линии лба, спускаясь к вискам, захватывая высокие точеные скулы. Кожа свисала с лица рваными клочьями. Белки глаз были ярко-красного цвета, словно кто-то вспорол их изнутри и на их поверхности выступила свежая кровь. Она умирала у него на глазах. Умирала и смеялась над ним, высоко запрокинув голову. Смех перешел в надрывный мучительный кашель: она стала задыхаться, схватилась руками за горло, царапая его отчаянно, словно пытаясь вскрыть его, как консервную банку, чтобы впустить хотя бы поток воздуха внутрь изъеденного болезнью тела.

Он закричал и ринулся вниз по лестнице. Он бежал, перепрыгивая через ступени, ноги подкашивались, он ломал ногти об ажурные изогнутые перила. Похожие на ограду старой, давно забытой всеми могилы. Свет снова погас. Но он продолжал бежать, спотыкаясь и падая. Вставая и снова устремляясь вниз.

Он пулей вылетел из темного нутра приютившего его пространства, помчался вперед, не разбирая дороги. Впереди него раскинулась огромная грязная лужа. Он с размаху упал в нее, замолотил кулаками по благодарной скользкой грязи. Его лицо обдало теплыми брызгами, пропитанными едким бензиновым паром. Он валялся в этой грязной жиже, яростно соскребая с себя вместе с кожей смертоносные частицы

его случайной любви. Эта лужа, впитавшая в себя смрадные нечистоты опустившихся улиц, казалось ему чистым, прозрачным озером. Способным спасти его от той, что умира- ла где-то там, наверху. Он промок насквозь. Зубы стучали от холода. Руки не слушались больше: они повисли бессиль- но, как плети, вдоль его зараженного тела. Он перекатился на спину и замер, глядя в темное небо. Пылающие звезды дробились и множились у него на глазах. Потому что он пла- кал.

На плоском экране мигали редкие зеленые точки. Они ха- отично двигались по темному полотну монитора, плавно пе- ремещаясь в его обманчивой пустоте. Одна из точек отли- чалась от всех. Она была окрашена ярко-красным цветом. Она была неподвижна, в отличие от остальных. Через мину- ту другая точка тоже поменяла свой цвет. Она стала такой же огненно-красной. Пурпурной. Багряной. Невыносимо алой, как свежая кровь. Она замерла на мгновение, а затем стре- мительно помчалась куда-то, словно крохотная непокорная комета.

– Инфицирование зафиксировано, – раздался металличе- ский голос из мелкой сетки динамика, висящего под потол- ком.

Его никто не услышал. Да ему это было и не нужно.

Глава 8. Сестра

Вокруг было тихо. Так тихо, что любой мало-мальский звук раздувался вокруг нее, проникал прямо в мозг и царил там, отталкиваясь гулким эхом от стенок черепа. Она пробовала закрыть глаза. Звук стал еще ярче, еще сочнее. Соседский кот мягко ступает лапами по ковру. Кран на кухне подтекает; огромные бесформенные капли с грохотом ударяются о пустую тарелку. Тиканье часов в соседней комнате. Как будто молот ударяет по наковальне. Дворник метет центральную улицу: невыносимый ритмичный шорох доводит до иступления.

Она хотела, чтобы все эти звуки растворились в пространстве и оставили ее в покое. И в то же время она изо всех сил вслушивалась в них, боясь упустить. Боясь не услышать голос, который она узнает из миллиона других голосов.

Ее старания были напрасны. Он больше не звал ее. После того, как она его отвергла, он перестал звучать в ее голове. Перестал касаться ее. Владеть ею. Она перестала быть всем для него. Он больше ее не ждал.

Она звала его. Сначала мысленно, потом вслух, едва заметно шевеля губами. Он не появлялся. Он оставался глухим к ее мольбам. Он наказывал ее за ее страх, за ее малодушие. Он оставил ее, она ведь сама этого хотела.

Она завернулась в одеяло и сидела так, глядя перед собой.

Обводила затуманенным взглядом выцветший узор на обоях. Восьмерка, скобка, завиток. Восьмерка, скобка. Завиток.

Звуки нарастали, превращаясь в рой озлобленных насекомых. Их блестящие крылья бросали на нее яркие блики, резали глаза, заставляя зажмуриться. Закрыться от всех. Она поджала под себя ноги, плотнее закуталась в спасительное одеяло. Она ничего не хотела. Ничего не ждала. Она готова была умереть здесь, просто перестав дышать. Не призывая никого, никого не виня. Как бабочка, свернувшая за спиной никому не нужные крылья. Ей больше не нужен был свет: она познала тьму.

В неровную симфонию привычных ей звуков ворвался голос. Уверенный, лаконичный, как камертон. Голос ее сестры. Он проникал в нее ядовитыми стрелами, их наконечники впивались ей в грудь, туда, где еле слышным дыханием билось ее усталое сердце.

– Я все понимаю, доктор. Я не думаю, что она опасна. Я знаю, что ей нужна помощь... Я постараюсь. Я говорила об этом Виктору Сергеевичу. Виктор Сергеевич... Инфаркт? Я... мне очень жаль... Да, конечно. Я постараюсь. Заявление на госпитализацию? А когда это можно сделать? Хорошо... Хорошо.

Лиза высвободилась из тяжелых складок стеганого одеяла и, как была, босиком, в тонкой сорочке, выскочила в коридор. Ее сестра расхаживала по ее квартире, припав ухом к телефонной трубке, прислушиваясь к тем, кто хотел упря-

тать ее, Лизу, в комнату с белыми стенами. Туда, откуда нет выхода. К равнодушным врачам с усталыми пустыми глазами. К лекарственным препаратам, сонными змеями вползающими в кровь. Отравляющими ее. Превращающими ее в бесчувственный, безвольный кусок мяса. Всеми покинутый. Преданный. Утративший надежду. Безропотно стареющий и так же безропотно встречающий смерть.

Она увидела перед собой ее большое белое тело: оно дрожало, то ли от холода, то ли от нахлынувшего на нее страха. Торопливо закончила разговор, подошла к ней, попыталась обнять.

– Не смей! – Лиза вырвалась из ее тонких обманчивых рук, которые предлагали фальшивую, ненастоящую заботу.

– Лиза! Что с тобой? – она вытаращила свои глаза, словно не понимала, чего так испугалась ее сестра. Прямо как в детстве, когда отчим доставал свой армейский ремень и стоял перед ней, ухмыляясь своей черной улыбкой, готовясь сокрушить ее, растоптать. Разорвать на части безграничной, всепоглощающей болью, своей безудержной властью над маленькой перепуганной девочкой. Тогда она тоже делала вид, что не понимает. Она всегда была слепой и глухой к ее страданиям. Она любила этого страшного человека, сидела у него на коленях. Как будто ничего не было. Как будто она не слышала ее громких, отчаянных криков, не видела синяков и кровоподтеков на ее теле, похожих на затерянные на карте материка. Ей было проще любить отца, чем не лю-

бить. Поэтому она делала такие глаза. Поэтому.

– Я не виню тебя, – к горлу подступил тугой комок слез. Он мешал говорить, он мешал ей видеть, но она сделала шаг ей навстречу и продолжила. – Я не виню тебя, он был твой отец. Но сейчас... Сейчас ты не можешь причинить мне зло. Детство прошло. Мы теперь сами по себе... Мне не нужна твоя защита. И твои решения мне не нужны. Уезжай. Уезжай туда, откуда ты приехала. Не надо мне помогать. У меня все хорошо. Все хорошо! – она села перед ней на колени, высоко задрав голову, чтобы видеть ее лицо. Чтобы суметь понять, вняла она ее словам или снова притворилась глухой, как тогда, в детстве.

– Лиза, успокойся! – она грациозно присела рядом. Их руки соприкоснулись, и она почувствовала ее гладкую, упругую кожу поверх своей. Отдернула руку.

– Кому ты звонила? – глухо спросила Лиза.

– Я звонила врачам. По поводу тебя.

Она знала это. Она отчетливо слышала каждое ее слово, когда ее сестра разговаривала по телефону. Но боль все равно уколола ее острой раскаленной иглой. Она вздрогнула и замерла, превратившись в камень. Медленно повернулась к ней. Посмотрела в глаза. Зеленые, не пропускающие сквозь себя ничего. Как бутылочное стекло.

– Ты хочешь избавиться от меня! Ты хочешь быть единственной! Ты и так единственная, все любили только тебя. Только тебя! – Лиза выкрикнула это в ее лицо и зарыдала.

Горечь разлилась внутри и не позволяла дышать. Она закашлялась, вытерла рот, замерла, согнувшись и не глядя на нее.

– Ну что ты такое говоришь? – ее рука ползла к ней снова. Как змея по гладкому камню.

– Не трогай меня! – Лиза завизжала, пряча от нее руки, ноги, – все, до чего она могла дотянуться.

– Хорошо, – тихо произнесла она. Легко поднялась с пола и вышла из комнаты.

Лиза уткнулась лицом в пыльный ковер, накрыла голову руками. Она словно видела себя откуда-то сверху: огромная бесформенная глыба, перегородившая своим телом все пространство комнаты. Никому не нужная. Теперь не нужная.

Она снова заплакала. Она потеряла его, единственного, кто знал, что кроется у нее внутри. Маленькая испуганная девочка с дрожащим располосованным телом.

На кухне бойко звенели чашки, чайник закипал на плите, словно паровоз, набирающий скорость. Запах кофе поплыл по комнате маленьким облаком.

Она стояла спиной к двери. Она не слышала, как вошла Лиза: она мыла посуду, и шум льющейся воды заслонял собой все остальные звуки. Тихим мурлыканьем она напевала что-то, она давно уже выкинула из головы свою несчастную, преданную ею сестру. Она снова впустила в себя свою сытую беспечную жизнь, в которой ее любили, желали, оберегали. В которой больше не было одинокой жирной твари, за кото-

рую стыдно. Которая всегда была лишней. От которой лучше избавиться.

На столе позади нее лежал большой кухонный нож. Лиза осторожно взяла его, сжала пальцами холодную рукоять.

Разлепила непослушные губы и сказала, глядя в ее равнодушную спину:

– Я не дам тебе причинить мне зло.

Глава 9. Марк

Клиника «Возрождение» скрывалась от посторонних глаз в тихом уютном переулке, в самом центре города. Это был величественный белоснежный особняк, окруженный цветочными клумбами, опутанный дорожками из крупных, тщательно отшлифованных камней.

Внутри царила строгая, наполненная торжеством, тишина. Она утопала в мягких кожаных креслах, отражалась от глянцевых стен, растворялась в сияющей белизне. Ко входу подъезжали дорогие машины, из них выходили дорого одетые, печально-притихшие люди и мгновение спустя скрывались в стеклянном куполе входа. Будто в портале, ведущем в другой мир. Мир пафоса и успеха на фоне неминуемой смерти. Медперсонал, казалось, скользил по коридорам, не касаясь пола. Тихие, участливые голоса, сдержанные, всегда уместные улыбки, заботливые деликатные прикосновения окутывали пациентов клиники легким пушистым облаком, даря им тепло и заботу в их последние дни.

Клиника «Возрождение» принимала в свои коммерческие объятия безнадежно больных. Больных, от которых отказались хмурые, замотанные люди в грязно-белых халатах, там, в другой жизни, в больницах, пропахших хлоркой, безысходностью и застарелой мочой. Они посмели отказать им в лечении, их голоса не дрогнули, вынося приговор. Потому

что не было шансов. «Возрождение» давало этот призрачный шанс. Всем, кто мог оплатить внушительный счет за медицинское обслуживание и пребывание в стационаре. Высокотехнологичное оборудование, экспериментальные препараты, европейские протоколы, – все это звучало как приятная слуху мелодия: ее многогранные переливы разносились по роскошным одноместным палатам, перебирая тонкие звенящие струны для изнуренных, пронизанных болью, людей. Им ничего уже не было нужно. Они понимали, что это конец. Но их родные боролись, выписывая чек за чеком приветливой белозубой девушке с табличкой «Администратор» на идеально выточенной груди. Они покупали свою свободу. Они вымывали из себя безграничное, одуряющее чувство вины, которое глодало их, с хрустом ломая кости, перемалывая хрящи, оставляя внутри всепроникающую пустоту. Они пытались помочь. Они сделали все, что могли.

Единицы – выздоравливали. И «Возрождение» становилось для них обрывком воспоминаний, страшным отголоском их прошлого, одним из многих таких отголосков. Они вдруг вставали и шли дальше, их тела послушно подчинялись им, они снова наполнялись жизнью, дышали, смеялись, спешили куда-то, расталкивая всех вокруг острыми локтями. Каждое такое выздоровление было похоже на чудо. Врачи «Возрождения» тихонько разводили руками, провожая обескураженными взглядами тех, кто еще вчера стоял на пороге смерти. Кто-то – не они – давал этим людям

еще один шанс. Кто-то щедрый, великодушный, непричастный к высокотехнологичному оборудованию и экспериментальным препаратам.

Большая часть умирала. Они уходили тихо, словно боясь потревожить тех, кто все это время иступленно накачивал их дорогими лекарствами, тепло приветствовал их по утрам, пытался скрасить их существование в этих равнодушных больничных стенах. Родственникам предъявлялся очередной чек, с заголовком «Посмертный уход», и пустая постель замирала в новом томительном ожидании, раскинув свои белоснежные объятия для нового обреченного тела.

Марк протолкнул в горло остатки остывшего кофе. Кисловатый привкус завяз на языке, он поморщился, с силой растер ладонями лицо, чтобы стряхнуть с себя сонное оцепенение. Тело затекло от липкого, беспокойного сна на узкой кушетке. Он потянулся, разминая застывшие кости, готовясь к новому дню. Дежурство прошло спокойно. Выкроить три часа сна – это роскошь, подобную которой он уже и не помнил. За окном занималось хмурое осеннее утро. Птицы спешно, рваными отрезками спешили убраться туда, где тепло. Их отчаянные крики подгоняли друг друга, предупреждали об опасностях, таящихся в остывающем небе.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, в кабинет просочилась маленькая, худенькая медсестра, похожая на испуганную мышку.

– Марк Георгиевич, – пролепетала она. Стык «к» и «г»

дался ей нелегко, но она с блеском справилась с этим испытанием. – Вас вызывает Денис Олегович.

– Сейчас подойду, Света, спасибо, – с улыбкой ответил он. Она робко улыбнулась в ответ и исчезла за дверью.

Белый халат расслабленно раскинулся на спинке стула. Марк взял его в руки, придирчиво осмотрел, встряхнул, разглаживая мелкую паутину складок. Надел на себя, медленно, сверху вниз, застегнул, ломая пальцы о тугие неподатливые пуговицы. Взглянул на себя в зеркало. Опущенные уголки губ, несвежая щетина, под глазами – глубокие тени. Больше похож на запойного санитаря, чем на заведующего отделением. Пообещал себе выспаться в ближайшие дни. Потянул за ручку двери и, вдохнув глубоко, как перед прыжком в ледяную воду, решительно вышел за дверь.

– Марк Георгиевич! Поступил больной, ВИЧ в стадии СПИДа, саркома Капоши, кахексия. У нас свободна семнадцатая палата и десятая под вопросом, ранняя бронь. Куда его поселить?

– Селите в семнадцатую, дайте направление на анализы.

– Марк Георгиевич! Лимит морфина на пределе, согласуйте перерасход, пожалуйста!

– Согласую, Верочка. Не переживай!

– Не забудьте, Марк Георгиевич!

– Не забуду! – крикнул он на ходу.

– Марк Георгиевич! На секундочку! Подпишите, пожалуйста, вот здесь! – Алина всегда ему нравилась. Он оста-

новился, взял из ее рук планшет, намеренно коснувшись ее тонкого запястья. Она не убрала руку, так и оставив ее, раскрытую, поверх испачканного жирным шрифтом листа. Марк поставил на нем резкий, небрежный росчерк, задержался взглядом на блестящих, ярко-влажных губах девушки и поспешил дальше.

В кабинете главного врача его ждали незнакомые люди в темных костюмах. Их было четверо; трое из них рассредоточились по периметру помещения, четвертый сидел в кресле Дениса, нависая над столом, как будто раздумывал: подняться ему или нет. Наконец, он решил все же поприветствовать Марка, вышел из-за стола и двинулся ему навстречу, широко улыбаясь.

Марк пожал протянутую руку, бросил недоумевающий взгляд на Дениса, который, утратив свой обыкновенный лоск и солидность, стоял, переминаясь с ноги на ногу, как растерянный мальчишка.

– Денис Олегович, Вы нас не представите? – с нажимом произнес человек в темном костюме.

– А... да... простите, пожалуйста, – сбивчиво залепетал Денис. – Это Лев Андреевич, владелец клиники «Возрождение». И основатель нового экспериментального центра...

– Про экспериментальный центр я расскажу сам, – перебил его Лев Андреевич. – Вы можете оставить нас с Марком Георгиевичем наедине? – он повернулся к Денису.

– Да, конечно! Конечно! – Денис подобострастно вытя-

нулся и попятился к двери. Марк никогда не видел его таким. Он поймал себя на мысли, что ему снится странный искомверканный сон, он даже попытался ущипнуть себя незаметно для окружающих. Боль, похожая на укус мелкого грызуна, оставила его в этой реальности: Лев Андреевич по-прежнему сверлил его изучающим взглядом, а Денис по-прежнему пятился к двери.

Трое сопровождающих дождались, пока Денис выйдет из кабинета и тоже покинули их, аккуратно притворив за собой дверь.

– Рад знакомству, Марк Георгиевич! – радушно произнес Лев Андреевич, при этом глаза его оставались холодными и неподвижными, как застывшие лужи, скованные грязным панцирем льда.

– Взаимно, Лев Андреевич! – осторожно ответил Марк.

– Давайте сразу перейдем к делу, – он снова устроился за столом главврача, припечатав возвышающиеся стопки бумаг своими широкими ладонями. – Я наслышан о Вашем профессионализме. Кроме того, я наблюдаю за Вами, собираю... мм... рекомендации от Ваших коллег. У Вас пылкий ум. Вы горите работой. Вы готовы отвечать за свои решения. Поэтому я хочу Вам предложить возглавить мой экспериментальный центр «Эва».

– Почему «Эва»? – помолчав, растерянно спросил Марк.

– Вы любопытный, я совсем забыл упомянуть об этом, – усмехнулся он. – «Эва» – от слова «Эврика». Я хотел бы,

чтобы все глобальные открытия в области медицины совершались там, и только там.

– Открытия – чего именно?

– Лекарственных форм. Методов лечения. Всего, что так необходимо сегодня всем нам.

– Какие именно заболевания являются предметами исследований?

– Неизлечимые. Смертельные. Неподвластные сегодняшней медицине.

Марк задумался, отрешенно глядя перед собой.

– Задавайте мне любые вопросы. Даже те, которые покажутся Вам неуместными, – подбодрил его собеседник.

– Я врач, – медленно произнес Марк. – А для исследований и разработок нужны специалисты другого профиля: иммунологи, микробиологи, вирусологи...

– В Вашем распоряжении будут все необходимые ресурсы. В том числе человеческие.

– Материалы, реактивы... – продолжал перечислять Марк.

– Я сказал, ВСЕ ресурсы, – терпеливо, но жестко повторил он.

– Это не больница в привычном ее представлении, я правильно понимаю?

– Нет. Большую часть занимает научно-исследовательская лаборатория. Но там будет небольшой стационар для испытуемых, карантинные боксы. Морг – на всякий слу-

чай, – ровным голосом произнес Лев Андреевич.

– Для испытуемых? – настороженно спросил Марк.

– Для людей, которые согласятся испытывать на себе действие препаратов.

– Но... это не совсем... этично, – Марк лихорадочно рылся в мозгу, подбирая подходящие слова, осторожно приставлял их друг к другу и выкатывал на обозрение своего собеседника громоздкие конструкции, призванные убедить его в том, во что он не верил.

– Медицина и этика несовместимы, – его сооружение развалилось а части с оглушительным грохотом. – И кому, как не Вам, должно быть об этом известно.

– Мне это известно, но... – Марк посмотрел в его глаза и решительно подвел черту: – Я не готов к такому предложению. Простите.

– Почему же? – удивленно протянул Лев Андреевич. – Вы не хотите помочь человечеству? Миллионам людей, которые умирают в муках...

– Я могу помочь им здесь, – твердо ответил Марк. – А там... я не уверен, что смогу.

– Я еще не озвучил Вам условия...

– Спасибо, Лев Андреевич, – Марк подошел ближе, попытался разглядеть что-нибудь в его темных глазах. Не смог. И снова отступил назад. – Правда, спасибо. Но не нужно. Я вынужден отказаться от Вашего предложения.

– Воля Ваша, – помолчав, произнес он. Его лицо со-

бралось в глубокие складки, нахмурилось, потеряло форму, став похожим на мокрую тряпку. Он ждал другого ответа. Но не получил его.

Марк молчал, опустив глаза в пол. Он чувствовал себя неловко, он хотел поскорее покинуть это место. Там, за дверью, копились неотложные дела, которые навалятся на него и накроют с головой, как только он выйдет отсюда. С каждой минутой дел становилось все больше, они тяжелели, напитываясь кровью и биологическими жидкостями, превращаясь в огромный бесформенный ворох чужих страданий. Они ждали его. Только его.

– Не смею Вас задерживать, – словно прочитав его мысли, мягко сказал Лев Андреевич.

Марк кивнул ему на прощание и вышел за дверь.

Денис осторожно заглянул в свой собственный кабинет.

Лев Андреевич поманил его пальцем. Ближе. Еще ближе.

Денис наклонился к самому его рту, напряг слух, дрожа от страха перед этим человеком.

Стальные пальцы плотным кольцом сомкнулись на его шее. Денис захрипел, замахал руками, пытаясь вырваться, но темнота одолела его, взрываясь в глазах яркими пятнами, плавно погружая его в себя, замедляя время, превращая всегда доступный, невыносимо-пряный кислород в абсолютный ноль. Он падал в мягкую пульсирующую бездну, и этому падению не было конца.

Он очнулся от легких, навязчивых шлепков по щекам. Открыл глаза, щурясь от яркого света. Судорожно вздохнул. Закашлялся. Поднял глаза вверх.

Тонкие губы прямо напротив его лица, похожие на извивающихся змей.

– Мне нужен Марк. Уговори его. Заставь. Но сделай так, чтобы он согласился возглавить «Эву». У нас мало времени: вирус выходит из-под контроля. Ты услышал меня?

–

Денис энергично закивал головой, морщась от боли, застрявшей в основании шеи. Но он знал, что эта боль ничтожна по сравнению с той, которую мог причинить этот человек, если он действительно захочет этого. А эта боль – пройдет. Совсем скоро пройдет.

Глава 10. Вирус

Она поцеловала своего мужа. Утром, на пороге их дома, сонно шатаясь, зябко поеживаясь от холода, с трудом усмиряя раздражение, поднимающееся откуда-то со дна ее сознания, все еще скованного сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.